

Мюз. - 1990. -

30846
**ПЕРЕД ВСТРЕЧЕЙ
С РОДИНОЙ**

КОГДА оркестром дирижирует Мстислав Ростропович, даже самым тонким ценителям трудно говорить о большем или меньшем успехе — он всегда ведет концерт на максимально возможном эмоциональном накале, на высочайшем уровне профессионального мастерства. И все-таки это был особый вечер в концертном зале Вашингтонского центра исполнительского искусства имени Джона Кеннеди — прощальное выступление Национального симфонического оркестра, которым М. Ростропович руководит вот уже 12 лет, перед отъездом на гастроли в Японию и Советский Союз.

Думается, самое важное, что наложило отпечаток особой приподнятости на дирижерскую манеру великого музыканта, это была новость, пришедшая из Москвы. Перед прощальным концертом он и его жена — Галина Павловна Вишневская — узнали о восстановлении их в советском гражданстве и возвращении им всех наград и званий, несправедливо отобранных у них в годы застоя. И сразу после концерта, на приеме в честь оркестра и его руководителя, в появившихся затем газетных рецензиях строгие столичные критики не жалели похвал.

Мне удалось взять у маэстро короткое интервью. Он рассказал, что три недели «обкатывал», по его выражению, программу, которую вскоре оркестру предстоит играть в Москве и Ленинграде. В Московской консерватории будет, в частности, исполнена «Патетическая симфония» Чайковского. Для Ростроповича это имеет принципиальное значение: именно эта симфония исполнялась, когда он дирижировал в Большом зале Консерватории в последний раз — 10 мая 1974 года. Как он сказал, он хочет перекинуть мостик через шестнадцатилетие.

Следующий московский концерт начнется музыкой Дворжака, и в первом отделении Мстислав Леопольдович выступит уже как виолончелист. Как он полушутливо выразился, ему хочется показать соотечественникам, что и как солист он пока в полной силе. Дирижировать будет его ученик американец Ранди Фляйшман — четвертый дирижер, которого он вырастил за то время, что руководит оркестром. А на вопрос, что он ощущает, готовясь к встрече с Родиной после 16 лет разлуки, Ростропович ответил так:

— Я был бы неискренним, если бы дал короткий ответ. Это огромная симфония чувств. Понимаете, мы с Вишневской за эти годы устроили свою жизнь, мы не ожидали, что будем реабилитированы при жизни, думали, что это произойдет только после нашей смерти. Мы с Галиной за годы отсутствия потеряли многих самых близких друзей. Поэтому это очень сложные чувства. Но что помогает — так это мысль, что мы возвращаемся на свою землю как советские люди, а не как враги — чего никогда не было.

Вишневская добавляет:

— Что касается меня, я никогда не признавала этот варварский акт — что у нас отобрали родину. Я никогда этого не чувствовала и возвращаюсь как к себе домой, на свою землю, к своему народу. А паспорт — это формальность.

— Куда после столь длительного отсутствия вы пойдете по приезде в Москву прежде всего?

Ростропович и Вишневская, очевидно, об этом уже думали, обсуждали между собой. Они в один голос отвечают:

— На могилу Дмитрия Дмитриевича Шостаковича. — Он продолжает: — А потом на свою старую квартиру, на улицу Огарева, 13.

Естественно, я поинтересовался, планируют ли они что-то в развитие этого в общем короткого визита.

Ростропович очень серьезно говорит, что нужно понять здешний уклад жизни — оба они связаны контрактами вплоть до 1992 года, не остается никаких интервалов.

— Но, — заканчивает он оптимистически, — тогда уж мы постараемся внести хороший вклад в культурную жизнь нашей страны.

[Соб. корр. «Труда»].

ВАШИНГТОН, 29 января.